

SUZANNE AUBRY

LE PORTRAIT

СЮЗАН ОБРИ

ПОРТРЕТ

**LIVE
BOOK**

Москва

2025

УДК 82-3
ББК 84
О-24

Translated from the French language (Canada): Le Portrait
First published by Libre Expression, Montréal, Canada

Дизайн обложки Grace Cheong
Фото на обложке Julia Marois

Адаптация обложки на русский язык
Светланы Зорькиной

В оформлении обложки использован шрифт
из коллекции А. Л. Гофманн

Обри, Сюзан.

О-24 Портрет : [пер. с фр. Д. Савосина]. — Москва : Лайвбук, 2025. — 464 с.

ISBN 978-5-907784-35-2

Волнующая история о доверии, любви, браке, коварстве и доброты.

Все тайное когда-нибудь становится явным. За фасадом самой благополучной семьи иногда кроются многолетние тайны, а роскошный особняк становится местом, где происходят самые неприятные вещи. Действие разворачивается в канадском Утремоне в 1930-е годы. Молодая любознательная учительница Клеманс поступает на службу к вдовцу с сыном, и мальчик признается, что по ночам видит в усадьбе свою покойную мать. Клеманс не понимает: видения ли это или действительно женщина где-то рядом? Она настроена решительно расследовать все тайны этой загадочной семьи.

УДК 82-3
ББК 84

© Les Éditions Libre Expression, 2023, Montréal, Canada
© Дмитрий Савосин, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление,
Livebook Publishing LTD, 2024

ISBN 978-5-907784-35-2

*Роберу, утесу моему Гибралтарскому
Моей обожаемой тете Клэр*

Ничья вина не забыта, пока о ней помнит совесть.
СТЕФАН ЦВЕЙГ, «*Нетерпение сердца*»

Ах! Роковой удел — прийти с душой простой
В сей лживый, злобный мир, юдоль несчастий,
Быть незапятнанной тлетворным сладострастьем,
Сияя белоснежной чистотой!
ЭМИЛЬ НЕЛЛИГАН, «*Моя душа*»

Пришло время снова зажигать звезды.
ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР

ПРОЛОГ

Любезный мой дневник,

Пишу наскоро, с чувством, что могу довериться тебе в последний раз. В этом доме я чуть больше недели, но как будто всегда жила здесь заложницей злобных козней. Мне хочется со всех ног бежать из проклятого места, но что будет с Тристаном, когда я уже не смогу защитить его?

Я приступила к работе здесь с наилучшими намерениями на свете; я наивно верила, что смогу спасти бедного мальчика, но оказалась лишь крохотным винтиком в адской машине. Не прояви я такого рвения в поисках истины — мне не удалось бы пробудить чудовище, притаившееся в стенах этого поместья, столь красивого и спокойного с виду, но скрывающего в себе мрачные тайны.

Времени предпринять хоть что-нибудь остается немного. Боюсь, он что-то заподозрил. Если это действительно так — всех нас ждет гибель.

— ЧАСТЬ ПЕРВАЯ —

ГУБЕРНАНТКА

СЕНТ-ЭРМАС, ВЕСНА, 1931

Клеманс Дешан обвела усталым взором двадцать школьников, тесно прижавшихся друг к дружке на скамейках школы, кое-как обогретой большой чугунной печкой, попыхивавшей черным дымком. Самой маленькой восемь, а старшему, верзиле выше нее на добрых пару футов, недавно стукнуло семнадцать. Напрасно она из кожи вон лезла, стараясь обучить их элементарным правилам французской грамматики, географии и арифметики, согласованию времен, пяти континентам и таблицам сложения и умножения — все это так и оставалось для них тайной за семью печатями.

Когда наступит июнь, больше половины ее класса разъедется на посевные, а к сентябрю, когда урожай уже соберут, ее ученики, вернувшись,

благополучно забудут то малое, что она успела в них вдолбить. Она облегченно вздохнула, услышав, как на колокольне церкви пробило четыре. Раздались радостные возгласы, заскрипели скамейки, зашуршали закрывающиеся тетрадки. Чтобы быть услышанной, ей пришлось повысить голос:

— Завтра пишем диктант!

Молодая женщина дождалась, пока класс опустеет, вытерла доску, подмела грубо обтесанный сосновый пол, погасила печку и уложила книжку в кожаный ранец, который позволила себе со своих скромных доходов. Надела шинель — ее, некогда принадлежавшую кузену Леону, любимая тетюшка Аннетт перекроила в пальто. «Всему найдется место в хозяйстве», — говаривала она с горькой усмешкой. Кузена забрали простым солдатом на фронт Первой мировой и убили в 1917-м — за год до окончания военного конфликта. Разница между ними составляла тринадцать лет. Так что она Леона помнила смутно — только как он любил щипать ее за щечки, что всегда вызывало в ней жгучую ненависть.

На улице холодный дождь хлестал ей прямо в лицо. Голуби вспархивали с церковной колокольни и садились на дом священника, а потом снова перелетали на колокольню. Клеманс всегда задавалась вопаросом — почему птицы мельтешат

туда-сюда словно бы в вечном движении. Может, это способ обмануть свою тоску...

Пригнувшись, чтобы укрыться от ветра, она шла по размокшей от грязи дороге, обходя лужи — их было уже много, рытвины заполнялись дождевой водой. Прошла мимо того дома, в котором прожила самые счастливые годы жизни. Сердце сжалось от знакомой печали. Она отвернулась, не желая смотреть на серую черепицу крыши, запертые ставни, ту самую яблоньку, на которую взбиралась малышкой, и поле, что расстилалось за сараем и уходило в бескрайность. Ей было восемь, когда родителей скосила «испанка». Мать, бледная как полотно, лежала в постели, сжимая в руках четки, отец стоял рядом с ее телом на коленях, он плакал долгими и глухими всхлипами, точно набрал в рот булыжников. Сам он тоже умер через несколько дней — он, казавшийся ей неуязвимым, широкоплечий и крепконогий, как древесные стволы; тело пришлось буквально втискивать в гроб — тот оказался маловат.

Спустя годы Клеманс узнала, что ее дед по матери, нотариус Бизайон, осудил брак дочери с «простым мужланом», купил дом и потом перепродал его семье земледельцев. Ей же от родителей не досталось ничего, кроме счастливых воспоминаний, которые она хранила в душе как драгоценные

реликвии, и скромного надгробия на кладбище, почти у самого дома священника, — к нему, уже подточенному плесенью, она приносила цветы по воскресеньям. Усевшись под гранитной стелой, она разговаривала с милыми сердцу покойниками, поверяя им нехитрые ежедневные радости среди серости своей жизни, признаваясь, что мечтает уехать из деревни, пусть даже для этого придется их тут покинуть, но пока не решается. Кто же тогда принесет им на могилку букет незабудок или маргариток, чтобы они согласились поговорить? И ей казалось, что без нее они как будто умрут во второй раз.

Издали до нее доносилось эхо ударов молота. Ее дядюшка Гектор обустроил себе кузнечную мастерскую на первом этаже их дома, стоявшего на краю дороги Лаланд. Над мастерской жило семейство Куломб, а Клеманс спала на чердаке, поскольку ее тетушка упорно отказывалась пустить племянницу в спальню, когда-то принадлежавшую ее сыну, оставив там его мебель и одежду, как будто он вот-вот восстанет из мертвых.

В ее комнатухе зимой было холодно, а летом — нестерпимо жарко, но Клеманс не роптала. У нее хотя бы имелось личное пространство, откуда в ясные вечера через слуховое окошко ей было видно луну и звезды, слышно, как ше-

лестит листва большого дуба, густыми ветвями упиравшегося прямо в небо, стучат дождевые капли и иногда ухаает филин. А еще были книги, позволявшие ей воспарить над монотонностью будней, расстилая перед нею путь, конца которому не видеть.

Четвертую субботу каждого месяца Ти-Поль, разносчик, обходил весь Сент-Эрмас. Странствующий торговец не давал себе труда постучать в дверь Куломбов, никогда у него ничего не покупавших, — зато стоило Клеманс только услышать его колокольчик, которым он возвещал о своем приходе, как она, сославшись на необходимость сбегать за покупками, шла на центральную площадь деревни, где неизменно находила его у церковной паперти с тележкой с решетчатыми бортами, где лежали кучи всевозможного товара: ткани, платья, перчатки, шляпы, кружева, горшки керамические и жестяные, метелки, щетки для мытья посуды, все необходимое для шитья, носовые платки, бруски мыла, детские волчки, игральные карты, лекарства от кашля, мигрени, болезней живота и других скорбей телесных.

А Ти-Поль, едва завидев молодую женщину, рылся в своем бардаке и, извлекая оттуда книгу, протягивал ей со своей беззубой улыбкой. «Вам наверняка понравится, мамзель Клеманс».

И в эту субботу бродячий торговец по своему обыкновению протянул ей томик в бежевой обложке, покрытой пятнами сырости.

— Вот, нарыл тут на блошином рынке.

Клеманс взяла его и стала восторженно рассматривать. Это был роман Делли¹ — она обожала этого автора. У нее уже было еще целых два его романа, до того зачитанных ею, что страницы вываливались наружу, так что пришлось сшивать их ниткой.

— «Дочь шуанов», — шепотом прочитала она. — Этого я еще не читала. Сколько с меня?

— Ровным счетом ничего, мамзель Клеманс. Самому почти даром досталось.

Вся засветившись от радости, она рассыпалась в благодарностях Ти-Полю и мгновенно сунула книгу в плетеную корзинку, которую предусмотрительно захватила с собой, потом заставила его все-таки принять несколько грошей, и торговец опустил их в широкий карман старенького

¹ Делли — псевдоним двух писателей, брата и сестры: Жанны-Мари Петижан де ля Розьер (1876 — 1949) и Фредерика Петижана де ля Розьер (1875 — 1947), ныне почти забытых, но крайне популярных у франкоязычной читающей публики в начале XX века авторов сентиментальных романов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

латаного-перелатаного пальто. Оглядевшись, дабы убедиться, что никто из соседей не шпионит за ней, она поспешила вернуться в дом Куломбов, тут же взлетела на чердак, вынула из корзинки роман, прыгнула в кресло-качалку и погрузилась в чтение, упиваясь каждым словом. Мать с пяти лет учила ее читать и писать, и каждый раз, когда она перелистывала страницы книги и вдыхала запах чернил, у нее было чувство, что она опять с ней.

Резкий голос тетушки Аннетт — и пузырь счастья, в котором она укрылась от всего остального мира, мигом лопнул.

— Клеманс, мне нужна помощь в стирке!

Она с сожалением поднялась, раскрыла шкаф, где держала одежду, и спрятала в нем новое приобретение, присоединившееся там к двум десяткам других книг, уже купленных у Ти-Поля. Ее дядюшка с тетушкой были очень благочестивыми и из всех печатных публикаций сносно относились только лишь к Библии, Новому Завету и Народному альманаху Бошмена¹. У них имелся один выпуск

¹ Популярный иллюстрированный «Народный альманах», ежегодно издававшийся в Квебеке с 1870 г. книжным магазином «Бошмен», печатал церковный календарь, обзор прошлогодних событий, рецепты настоев из лекарственных трав, медицинские советы и т. д., в т. ч. и литературные произведения.

1916 года, в красной обложке, с потрепанными краями от частого к нему обращения. Если бы, к несчастью, супруги Куломб обнаружили ее тайник, они швырнули бы все ее сокровища в дровяную печь и потащили бы ее к кюре Грондену, чтобы заставить исповедоваться во всех грехах. Священник в воскресных проповедях неутомимо обличал танцы и книги, которые ведут напрямиком в ад. Для Клеманс же царством ада скорее была эта деревня с вечными страхами и суевериями; ее обитатели, неторопливые и упорные работяги, прозябали, как выючные скоты, не имея иных перспектив, кроме труда и религиозного благочестия.

— • —

Однажды в майский денек, когда ее ученики были особенно непоседливы и невежественны больше обычного, Клеманс возвращалась к Куломбам так медленно, будто несла тяжелую ношу. Даже небесам, окаймленным белыми облачками, и прекрасным полям, утопавшим в охровом солнечном свете, не удалось разогнать ее печаль. Одна только простая мысль, что с той же безжалостной монотонностью дни ее жизни потекут и дальше, наполняла ее сердце отчаянием.

Иногда она подумывала, а не выйти ли замуж, но тут еще предстояло найти претендента, который

пришелся бы ей по душе. Никто из деревенских парней не привлекал ее — даже красавец Жозеф Тибодо, в кого были влюблены все девчонки, казался ей неотесанным грубияном. А случись так, что ей бы понравился кто-то и она вышла бы за него — тут же потеряла бы работу учительницы, требовавшую безбрачия. Она хоть и зарабатывала не больше ста пятидесяти долларов в год, но и эти деньги были ей необходимы, чтобы оплачивать пансион у Куломбов и покупать свои любимые книжки.

Дойдя до мастерской дядюшки, Клеманс заметила, что на прилавке валяется номер «Ля Пресс». Мсье Куломб, почти неграмотный, никогда не читал газет, говоря, что «этот хлам и впрямь годится только чтоб бросать на него очистки от картошки»; стало быть, ее тут забыл кто-то из клиентов. Она схватила газету и украдкой сунула в рукав. Уже поднявшись на чердак, она пробежала глазами заголовки большими буквами: «Четыреста детей, отравлены молоком, в котором обнаружен формалин, в сиротском приюте в Мексике», «Трагическая гибель ребенка на горе». От этого ее как будто внезапно швырнули в шум и ярость неведомого мира.

Перелистывая газету, Клеманс поражалась изобилию рекламы, превозносившей достоинства сиропов от кашля, «чудо»-кремов для сохранности молодости кожи, мягкости сигарет «Тюрре», «Джин

Пиллс» чтобы освободить организм от ядов, эликсир доктора Монтье — от него быстро встанете на ноги, если вдруг захворали... Здесь продавали мебель, коврики, линолеум, живопись, одежды для дам, мужчин и детей. Когда были еще живы ее родители, они иногда брали ее с собой в универсальный магазин «Троттье и сын», походивший на пещеры Али-Бабы своими бесчисленными галереями и полками, ломившимися от всевозможных товаров, но сейчас, на взрослый глаз, все это выглядело лишь пыльной коммерческой лавкой со старыми дощатыми полами в древесных опилках.

На последней полосе газеты размещались маленькие объявления. Там искали мужчину — мастера на все руки, садовника, прислугу по хозяйству, секретаршу. Ее внимание особенно привлекло одно объявление:

«Вдовец ищет гувернантку для своего сына двенадцати лет, хрупкого здоровья. *Рекомендации обязательны.* Сведения о кандидатуре просьба присылать в газету до востребования».

На нее сильное впечатление произвели слова «гувернантка» и «сын с хрупким здоровьем». Ей опять вспомнилась «Джейн Эйр» — история девушки-сироты, которая хочет изменить свою жизнь и разме-

щает объявление, желая стать наставницей; наконец ее нанимает мистер Рочестер, богатый и угрюмый хозяин замка Торнфилд-Холл, и она безумно влюбляется в него. Клеманс до такой степени слилась с образом Джейн, что даже начала сочинять в тетрадке, купленной у Ти-Поля, историю одного загадочного герцога, чьи волосы и очи чернее ночи; он заблудился в окрестных лесах и пришел в деревню. Он тут же обращает внимание на Констанс — скромную девушку с бледным лицом, преподающую в сельской школе, и предлагает ей заняться образованием своей воспитанницы, тем самым избавляя от этой убогой жизни. Дни идут за днями, а интрига усложняется: злобная крестная мать не дает ей уехать с прекрасным незнакомцем, оставляя в глубоком отчаянии. Однако герцог под покровом ночи устраивает побег. В коляске, укутанная мехами, под усыпанным звездами небом, Констанс без тени сожаления созерцает деревенские дома, понемногу тающие в ночном мраке. Однажды тетушка Аннетт наткнулась на эту тетрадку; сунув в нее нос, она побагровела от ярости и бросила ее в печь.

Клеманс аккуратно вырезала объявление ножницами, которые держала в своей швейной корзинке, и положила себе под подушку. Она вообразила, что загадочный вдовец наверняка похож на придуманного ею герцога.

II

Клеманс целую ночь не смыкала глаз, все прикидывая, что бы такое ей предпринять, как заявить о своей кандидатуре на должность гувернантки. Проблема, мучившая ее, заключалась в рекомендациях. Кто мог бы их дать ей? Просить Куломбов не было никакого смысла — она заранее предвидела, что они не позволят ей покинуть деревню, причем заботясь отнюдь не о ней, а о тех деньгах, какие она им платит за проживание. Да и потом, ведь дядюшка-то едва умел читать и считать, а того менее — писать; всеми счетами и расчетами занималась его жена. Она подумала было о нотариусе Бизайоне, но все-таки не решилась выпрашивать благодеяния у того, кто причинил столько зла ее родителям, а ее саму незаконно лишил наследства. *Но кто же тогда?* В Сент-Эрмасе жил еще и врач,

доктор Рено, но и дядюшка, и тетушка с недоверием шарахались от таких «костоправов» как от чумы, говоря, что сами слишком бедны, чтобы таким еще и за лечение платить. Врач и приходил-то к ним всего лишь раз, когда Клеманс заболела свинкой, а потом она видела его только на воскресной мессе; и никогда не посмела бы к нему обратиться. Остался только один-единственный человек: кюре Гронден. Ее будущее зависело от него.

— • —

На следующий день Клеманс с нетерпением дождалась обеденного перерыва и поскорее побежала в дом священника. Ей открыла мадам Бинетт, экономка кюре. Ее круглое и приветливое лицо портили злобные маленькие глазки — они так и рыскали вокруг. У прихожан она пользовалась репутацией сплетницы, и кое-кто даже заставлял ее врасплох притаившейся за исповедальней с пером в руке; она сделала вид, что смахивает пыль, но стояла насторожившись. Клеманс постаралась сказать самым любезным тоном:

— Здрасьте, мадам Бинетт.

— Ну и ну, вот так прекрасная гостья, — прошептала женщина с фальшиво-радостным взглядом.

— Мне нужно повидать господина кюре.

— Он готовится к следующей проповеди. Если скажешь мне, что тебя сюда привело, я могла бы и шепнуть словечко ему на ухо...

За принужденной улыбкой экономки Клеманс тотчас же разгадала злой умысел.

— По личному делу.

Лицо мадам Бинетт сразу посуровело.

— Он не хочет, чтобы его беспокоили, приходи попозже.

Важность задуманного придала Клеманс храбрости.

— А вот я постучу прямо к нему в дверь — и посмотрим, может, он меня и примет, — она сама удивилась, что посмела возразить.

И она прошла по коридору, который вел прямо к кабинету кюре. Мадам Бинетт бросилась следом за ней, чтобы грудью встать на пути, но Клеманс ловко обошла ее и быстрыми шагами направилась к двери, постучав в нее так громко, что сама испугалась. Изнутри послышался голос кюре:

— Мадам Бинетт, я же предупредил, чтоб меня не тревожили!

— Тут молоденькая Дешан, — пропищала та. — Настойчиво хочет вас повидать.

После затянувшейся паузы снова послышался голос священника:

— Раз так, пусть войдет.

Клеманс так и сделала с заколотившимся сердцем, чувствуя, что экономка смотрит ей в спину.

Кюре Гронден, сидевший за громоздким столом с пером в руке, поднял голову. Лицо у него было длинное, лошадиное, щеки выбритые и бледные, синие тени от ресниц придавали ему суровый вид, подчеркнутый глубокими морщинами на брылях вокруг тонких губ. Когда-то Клеманс с большим удивлением услышала от тетушки, что ему всего тридцать один год.

— Мадемуазель Дешан, чему обязан честью видеть вас?

Он почитал долгом обращаться на вы ко всем овечкам своей паствы, даже к детям. Могло показаться, что так он желал показать свое уважение. Но на самом деле он воздвигал дистанцию между ними и собой; а установив этот барьер, начинал вещать с таким чувством превосходства, что возражать было совершенно невозможно.

Ноги у Клеманс подгибались — ее невольно поразила строгость духовной особы, чьи суровые проповеди держали прихожан в непрестанном страхе. Чтобы укрепить свою решимость, она про себя повторила текст объявления, выученный ею наизусть: «Вдовец ищет гувернантку для своего сына двенадцати лет, хрупкого здоровьем». *Я должна быть отважной ради этого мальчика.*

— Слушаю вас, — повторил кюре, постучав кончиком пера по чернильнице.

Вместо ответа молодая женщина извлекла из рукава газетную вырезку и положила прямо перед ним. Он нахмурил брови.

— Где вы нашли такое объявление?

— В «Ля Пресс».

— Вы читаете эту нечестивую газету?

— Кто-то из клиентов забыл ее у дяди. Я желаю заявить о своей кандидатуре на эту должность.

Кюре с неодобрительным видом пробежал глазами несколько строчек.

— Вдовец... Кто поручится, что у него нет дурных намерений!

— Это отец семейства. И его мальчику я необходима!

Кюре Гронден смерил ее строгим и пренебрежительным взглядом.

— Что вы об этом знаете? Я вижу, вы весьма самонадеянны, мадемуазель Дешан.

Клеманс почувствовала, что идет по тонкому льду; еще чуть-чуть — и от ее мечты не останется и следа. Она поняла: чтобы доказать свою правоту, ей следует казаться поскромней.

— Вы правы, господин кюре. Я не знаю этого мальчика, но верю, что могла бы принести ему пользу. И вы единственный, кто мог бы мне помочь.

Часть первая. ГУВЕРНАНТКА

— Ваши дядя и тетя знают о ваших планах?

— Пока нет. Я говорю о них только вам.

— Вы слишком молоды, чтобы вот так пускаться в приключения. Монреаль — город большой, полный опасностей.

— Я уже взрослая. Я ежегодно воспитываю двадцатку школьников, а это ведь задачка не из легких.

— А кто вас заменит? Хорошие учительницы на улицах не валяются.

Священник впервые отвесил ей комплимент.

— Имельда. Старшая дочка господина Троттье, владельца склада общего пользования, она моя лучшая ученица. В августе ей исполнится восемнадцать.

— Дайте мне немного поразмыслить.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог

7

Часть первая. ГУВЕРНАНТКА

9

Часть вторая. ЖАННА И ИЗАБЕЛЬ

149

Часть третья. ПОРТРЕТ

325

Часть четвертая. МСЬЕ АХИЛЛ

363

Часть пятая. МАДАМ АВГУСТА

377

Часть шестая. ЖАННА

397

Часть седьмая. ШАРЛЬ

417

Эпилог

455

Сюзан Обри

ПОРТРЕТ

Литературно-художественное издание

Перевод с французского Дмитрия Савосина

Редактор Дарья Ивановская

Корректор Валентина Матюшкина

Верстка Светланы Зорькиной

Подписано в печать 20.12.2024.

Печать офсетная.

Книга напечатана на книжной бумаге Mondi.

Кремовый оттенок бумаги обеспечивает удобство чтения.

Формат 84×108/32. Объем 24,36 усл. п. л.

Тираж 2500 экз. Заказ №

ООО «Издательство «Лайвбук»

117105, Москва, Варшавское шоссе, д. 1, стр. 1 – 2

По вопросам оптовых закупок

обращайтесь по электронному адресу

tatiana@livebooks.ru и тел. +7 (495)114-52-45

Все книги издательства

можно приобрести в магазине редакции по адресу:

Москва, ул. Большая Ордынка, д. 13/9, стр. 1, под. 2, оф. 9

и на сайте livebooks.ru. Тел. +7 (495)114-52-45

Ищите нас в социальных сетях:

www.vk.com/livebookph и др.,

а также в Телеграме: <https://t.me/livebooks>